

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/diplomnaya-rabota/16791>

Тип работы: Дипломная работа

Предмет: Религиоведение

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

1. Проблема зла как вечная проблема человечества ..7

1.1 Теория происхождения зла в истории мировой мысли..... 7

1.2 Православный взгляд на происхождение и природу зла 9

2. ПРИРОДА ЗЛА И СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С НИМ В ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.
.....13

2.1.Тема добра и зла в древнерусской литературе.....13

2.2 Антропоцентризм Русской философской мысли в исследование проблемы
зла.....18

3. ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ Л.Н.ТОЛСТОГО О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ В РЕЛИГИОЗНО ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ.....19

3.1.Общая характеристика философских возрений Л. Н. Толстого ...20

3.2.Духовный кризис философско-религиозных взглядов Л.Н.Толстого 22

3.3Роль концепции о непротивление злу насилием в истории становления исследований природы зла 30

4.ИВАН ИЛЬИН И ЕГО УЧЕНИЕ О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ 36

4.1.Общая характеристика философских возрений И.А. Ильина 37

4.2.Анализ систематического исследования проблемы зла в трудах И. А Ильина о сопротивление злу силой
46

4.3.Интерпретация православного понимания природы зла И. А Ильиным 55

4.4.Развитие содержания проблемы зла в ходе полемики вокруг идеи И.А. Ильина о сопротивление злу
силой 59

4.5 Значение философского творчества И. А. Ильина.....75

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 77

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....79

Прежде чем перейти к изложению философских построений Толстого, нам необходимо коснуться вопроса о философских влияниях, оказанных на него в течение его жизни. Как пишет о нем прот. В. Зеньковский в своей Истории русской философии, Толстой очень рано начал «философствовать», однако он не получил никакого систематического образования в философии, и это сказалось на всей его последующей жизни и связанным с нею философском творчестве. В его философских увлечениях содержится очень много случайного, - в том смысле, что он поддавался влиянию случайно попадавших ему книг. Но во всех его увлечениях, тем не менее, всегда было соответствие его собственным — ясным или неясным исканиям. В 16 лет Толстой, «разрушив» в себе традиционные взгляды, страстно увлекается идеями Ж. Ж. Руссо и это увлечение оказалось во многом определившим его мировоззрение. О степени увлеченности идеями Руссо красноречиво свидетельствует тот факт, что Толстой носил в молодости медальон с его портретом на шее вместо креста. Уже в эти ранние годы, отмечает о. В. Зеньковский, на первом плане у Толстого стоит этика: стремление к совершенствованию, постоянное недовольство собой, борьба с низшими стремлениями и страстями всецело заполняют его внутренний мир.

Можно сказать, что от Руссо Толстой воспринял тот культ всего естественного, и то подозрительное и недоверчивое отношение к современности, которое постепенно перешло в придирчивую критику всякой

культуры. Однако такое тяготение к опрощению диктовалось у Толстого совсем не психологией «неоплатного долга» перед народом, как это мы находим в разных формах народничества 60-ых и 70-ых годов. Опрощение Толстому было нужно для него самого, чтобы сбросить с себя гнет условностей, заполняющих культуру. И в этой потребности вырваться на простор естественных движений души был для Толстого онтологически важным. Таким образом, мы с известным правом можем изложить все воззрения Толстого под знаком его руссоизма, настолько глубоко сидел в нем этот руссоизм до конца его дней . Из других влияний, глубоко вошедших в душу Толстого, прот. В. Зеньковский отмечает влияние А. Шопенгауэра. В 1869-ом году Толстой писал А. Фету: ...Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр — гениальнейший из людей. Два основных мотива в системе Шопенгауэра, которые оказались особенно сродни Толстому, — это прежде всего его феноменализм и учение о метафизической призрачности индивидуального бытия, а с другой стороны, Толстому был близок пессимизм Шопенгауэра, который, впрочем, довольно скоро перешел у Толстого в оптимистически окрашенный имперсонализм. Других крупных философских влияний, по Зеньковскому, Толстой не переживал, но читал он всегда очень много, жадно впитывал в себя различные веяния его времени .

3.2. Духовный кризис философско-религиозных взглядов Л.Н.Толстого

Духовный кризис Льва Толстого, начавшийся в конце 70-х годов, слагался из многих составляющих. Здесь и все та же проблема смерти, с детства вселявшая в него ужас и сейчас оформившаяся в онтологическую проблему смысла земной жизни. Здесь и глубокое неудовлетворение секулярной культурой того времени и как результат – разрыв с окружающим миром и уход в свой, «внеисторический» и «внекультурный» мир, тяга к опрощению, к непосредственности простых, неученых людей, у которых он находит веру, осмысливавшую их жизнь. Однако и такая вера не приживается в душе Льва Толстого, и его обращение к Церкви не носит церковного характера. Богословский рационализм, развившийся в нем под влиянием позитивизма, толкает его перекроить христианство на свой лад, принимая согласное с разумом и категорически отвергая все несообразующееся с ним. В этом отношении прот. Г. Флоровский справедливо замечает влияние сектантских течений, проникших в XIX веке в Россию (среди них он упоминает южнорусский штундизм, плимутских братьев, деятельность лорда Редстока и первых русских баптистов, известных под общиной пашковцев).

Сектантское мышление того времени со своим рационально-критическим подходом ко всему без исключения внесло, без сомнения, определенный вклад в религиозную жизнь образованного общества России. О. Георгий Флоровский также предполагает, что само учение Толстого о непротивлении злу было отголоском проповеди А. К. Маликова, основателя т. н. секты богочеловеков . Так или иначе, но в учении Льва Толстого все аспекты жизни фокусируются в этике, подчиняя все известной моральной установке, взятой им из пятой антифезы (Мф. 5:39). Вследствие этого его позицию можно охарактеризовать как панморализм (по оценке о. В. Зеньковского) или моральный позитивизм (по о. Г. Флоровскому). В процессе знакомства с творчеством Л. Н. Толстого в поле нашего внимания попала достаточно интересная публикация в Богословском вестнике Московской Духовной Академии за ноябрь 1910 года. Данная публикация содержит статью О графе Льве Николаевиче Толстом заслуженного профессора МДА и известного апологета Сергея Сергеевича Глаголева, написанная на основе его лекции, прочитанной в Академии 9 ноября 1910 года, спустя два дня после смерти Л. Толстого. В данной статье, по нашему мнению, содержится наиболее емкая и богословски взвешенная оценка жизненного пути и творчества Льва Толстого. Поэтому ниже мы рассмотрим учение Толстого, опираясь на данную публикацию.

Свою статью С. Глаголев начинает с воспоминаний о графе Льве Толстом. Будучи уроженцем г. Крапивны, к уезду которого принадлежало поместье Толстых в Ясной поляне, Глаголев с детства был знаком с его книгами, и по своему собственному признанию, читал их лишь только выучился читать . Он также вспоминает о том, как Толстой посещал уроки в уездном училище, говорит о тех глубоких впечатлениях, которые произвели на него литературные произведения Л. Толстого. Он очень верно подмечает тот факт, что когда Толстой стал приковывать к себе внимание всего мира не только как литератор, но и как религиозный философ, он стал постепенно терять интерес у своих крапивенских земляков. Такая потеря интереса объясняется Глаголевым в первую очередь тем, что яснополянские жители были очень далеки от тех теоретических построений, которые Толстой предпринимал, критикуя православную догматику, светскую культуру и прочее. Образовательный уровень его земляков был недостаточен, чтобы понять то, что завлекало образованных столичных жителей. Тягу же Толстого к «опрощению», приближению к быту народа, сам же народ воспринимал не более, чем барское чудачество, баловничество .

Несмотря ни на что, Толстой все же искал правду. Отчего же, - задается вопросом Глаголев, - правда не

открылась ему? Почему небо не возвестило ему истины, когда он так жадно желал владеть ею? Ответ на этот вопрос Глаголев находит в евангельских словах Христа: В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение (Лк. 10:21). Между правдой, которую искал Толстой и самим Толстым находилось противоречие, которое, однако, значительно потеряло крепость с годами. В своем поиске правды Толстой слишком доверялся себе, слишком высоко ценил свои силы. Толстой был в первую очередь художником, а художники характеризуются особенной силой впечатлений и чувств. Толстой сильно доверялся своему непосредственному чувству, а оно заводило его в тупик.

В молодости, пишет Глаголев, Толстой проповедовал культ эгоизма, он считал нелепым учение о том, что ближнего нужно любить как самого себя. Он был для себя центром мира, и это могучее чувство личной жизни было в нем сильнее всего. Толстой ищет счастья в женитьбе, вступает в брак, и происходит бифуркация эгоизма. Еще немного лет, и он начинает чувствовать, что счастье не в любви к себе, а в любви к другим. Но острое чувство земной жизни, чувство пантеистически-материалистическое в нем еще очень сильно, и он не чувствует нужды в горнем мире, ему довольно мира земного.

Из новозаветного учения о любви он тщательно выбирает изречения о любви к ближнему, изречения, обличающие людей, которые своими заявлениями о любви к Богу прикрывают отсутствие любви к ближним. Однако на данном этапе учение о любви Толстого столкнулось с препятствием: если любовь к себе не является достаточной для того, чтобы быть истинной, то и любовь к ближним не исчерпывает своего предназначения, поскольку ближние – это тоже в какой-то степени модификации нашего я, они также слабы, жалки и ничтожны. Любовь к ним соединяется скорее с жалостью. Однако истинная любовь необходимо должна сочетаться с благоговением, достойным объектом которого является живой христианский Бог. К этому пониманию и шел Толстой, но он слишком верил в свое личное умение находить правильный путь, и потому его приближение к Богу оказалось таким сложным и трагическим.

20-22 февраля 1901 года Священный Синод объявляет графа Льва Толстого отпавшим от Церкви. Для лиц, знавших православное вероучение и знакомых с убеждениями Толстого, такой исход дела являлся очевидным и по сути дела лишь констатировал факт. Тем не менее, Толстой оскорбился этим определением и выразил это в своем Ответе на определение синода, которое, как считает Толстой, незаконно или умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к бурным чувствам и поступкам (111).

Возникает вопрос: почему Толстого так задело это определение? Если, рассуждает Глаголев, Православная Церковь есть община, содержащая ложное учение, и если управляющие ей лица действуют во имя своего честолюбия и корыстных интересов, то казалось бы, для чего же обижаться, когда эта община о человеке, не признающем ее заявляет, что он к ней не принадлежит? Можно было бы только заявить: не принадлежу и не хочу принадлежать. Толстой действительно заявил, что не принадлежит: то, что я отрекся от церкви...совершенно справедливо; но вместе с тем он выразил порицание, что Церковь объявила об этом: постановление синода вообще очень нехорошо; то, что в конце постановления сказано, что лица, подписавшие его, молятся, чтобы я стал таким же, как они, не делает его лучше. Здесь налицо то противоречие, источник которого крылся глубоко в тайниках души Толстого.

Кошунственные и резкие выпады Толстого в адрес Православной Церкви Глаголев сравнивает с гонением христиан апостолом Павлом. Толстой чувствовал, что он не прав, но он настаивал на своей правоте. Убедительного для себя обличения он не услышал. Не услышал со стороны, от людей, но возможно этот голос заговорил в нем самом. С годами он становился терпимее и своим посетителям уже выражал сожаление, что оскорблял чужие верования и возбуждал тем самым вражду. Таким образом, он постепенно мирился если не с верой, то с верующими. Когда в 1908 году Толстого посетил епископ Тульский Парфений, он встретил его словами: благодарю вас за то, что вы не погнушались посетить отверженного старика. Эти слова Толстого, как мы видим, преисполнены скорби: человек, к которому протягивал руки весь мир, почувствовал тоску о том, что Церковь, которую он порицал, которую порицают и над которой глумятся столь многие его почитатели, заявила о том, что Толстой к ней не принадлежит. Казалось бы, следует радоваться, но Толстой не радовался. Он чувствовал себя отверженным, хотя к нему были обращены взоры всего мира.

Обстоятельства смерти Льва Толстого наталкивают на глубокие размышления и порождают много вопросов. Глаголев вновь задается вопросом, почему у Толстого, перед которым был открыт весь мир за исключением церквей и монастырей, предпоследними этапами на пути к вечности были Оптиная пустынь и Шамординский монастырь? Я думаю, - подводит итог своим размышлениям Глаголев, - и не потому только, что мне хочется так думать, а на основании фактов, что в последние годы своей жизни Толстой

почувствовал нужду в Церкви, которую раньше объявил ненужной, и это чувство росло в нем с приближением смерти .

При изучении религиозно-философских воззрений Льва Толстого, нельзя не отметить, что в своих рассуждениях он может сильно подкупать и также сильно отталкивать читателя. Подкупает, как правило, его непосредственность и искренность. Толстой безмерно прямолинеен, он обычно не развязывает узлы, он всегда разрубает их. Отталкивает же в Толстом его самонадеянность, - то, чего он не понимает, он всегда отрицает.

Так Толстой отрицает троичность Бога, поскольку выражение Троица во Единиче звучит для него абсурдно. Он не считается с древностью и авторитетом данного догмата и не берет в расчет ум и духовные качества людей, отстаивавших этот догмат. Он забывает о том, что он был не первым, считавшим подобным образом, и что все антиринитарные доктрины во все времена в истории христианской Церкви были обоснованно отвергаемы и оказывались невостребованными.

Толстой отрицает также свободу воли человека. Здесь он подпадает влиянию теории детерминизма: каждое явление должно иметь причину, беспричинных явлений не бывает, значит, не может быть и свободных действий. Впоследствии он развивал теорию, согласно которой свобода выбора возможна лишь в существах несовершенных, а у совершенного существа свободы выбора нет, так как оно всегда знает, как лучше поступать, и всегда выбирает лучшее. Толстой не смущается здесь логическим выводом, в результате которого получается, что наиболее свободен тот, кто наиболее глуп. Его прямолинейность не останавливает его перед сложностью всех причинно-следственных связей и перед явным противоречием его теории и проявлением его собственной свободы.

Далее Толстой отрицает и все чудесное. Это отрицание является, по всей видимости, результатом позитивистских и материалистических веяний того времени. Хотя Толстой и не был склонен поддаваться современным ему интеллектуальным течениям, в данном случае его личность вошла в резонанс с духовным климатом его эпохи. Толстой был реалистом, все мистическое, загадочное и таинственное было чуждо его душе. Он также глубоко убежден, что рядом с чудом нередко стоит обман. В силу своей самоуверенности Толстой боится быть обманутым, особенно обманутым в своих высших чаяниях и надеждах. Он хочет истины, которая в его сознании отождествляется с действительностью, которую он чувствовал необыкновенно сильно . Несмотря на такие нигилистические установки, Толстого поражает евангельская правда. Его чуткая художественная и нравственная натура тянется к евангельской правде, но тут же его рационалистический подход встречает указание на сверхъестественный источник Евангелия и утверждение о том, что без сверхъестественной помощи евангельская правда неосуществима. Тогда Толстой решает произвести над Евангелием операцию, которую многие производили до него и многие будут производить после, но при которой неизбежно угасает евангельская жизнь. Такую попытку он осуществляет в своей работе Как читать Евангелие и в чем его сущность. Толстой отвергает начало и конец Евангелия (сверхъестественное происхождение Христа и Его Воскресение) и перерабатывает его середину. Он опять вступает в противоречие: принимая Божественное учение, он не хочет верить, что оно возведено Единородным Сыном Божиим.

Анализируя воззрения Толстого, С. Глаголев приводит интересное сравнение его взглядов со взглядами В. Соловьева. Глаголев пишет, что Соловьев был похож на Толстого своими исканиями религиозной правды, однако в этих исканиях он в конечном итоге уяснил себе, что свою религию создать невозможно, нельзя поклоняться самоизмышленному Богу и диктовать Ему свои условия. Содержанием религии всегда должна быть истина, возведенная свыше. Поэтому корень религии находится лишь в Божественном Откровении. Можно отрицать существование откровения, но вместе с тем нужно с необходимостью отрицать тогда и возможность всякой религии.

Толстой отвергает откровение, но религию он стремится сохранить или даже создать. Таким образом, теоретическое богословие Толстого характеризуется Глаголевым как либерально протестантское, где каждый Карл Карлыч выкраивает Евангелие по своему и создает своего собственного Христа, которого называет научным, историческим, и противопоставляет его Христу веры. Описаний таких Христов теперь много. Все они скучны и безнадежны . Действительно, Евангелие можно или принять, или отвергнуть, компромиссов здесь быть не может. Но прямолинейный Толстой, великий враг компромиссов, в этом своем важнейшем искании в очередной раз вступает в противоречие с собой и идет на компромисс этом абсолютно бескомпромиссном вопросе.

Владимир Соловьев тоже переживал период сомнений и отрицаний, однако в конечном итоге он не пошел на компромиссы и принял отеческую веру. И эти два человека, - пишет Глаголев, - один, узнавший религиозную истину в церковном учении и другой, дошедший до религиозной истины своим умом,

столкнулись в своих исканиях и стали концептуальными врагами: Толстой отзывался о Соловьеве как о мальчишке в белом галстуке с распущенными волосами, болтающем вздор; Соловьев называл Толстого неизменным Колумбом всех открытых Америк, намекая тем самым на то, что Толстой не создает своих построений, а лишь рекламирует возведенные до него взгляды и теории .

Такие разногласия имели под собой достаточные основания, и главное из них то, что Лев Толстой и Владимир Соловьев жили как бы в «разных мирах»: с одной стороны, Толстой прекрасно знал земную человеческую жизнь, Соловьев же относился к ней опосредованно, живя в своем философском миропонимании; с другой стороны, Толстой совсем не знал философского научного метода, чего нельзя сказать о Соловьеве. Различные взгляды Соловьева и Толстого на вопросы добра и зла обусловлены их различным отношением к окружающей их действительности. Если для Соловьева окружающий мир – это становящееся начало, в котором при его совершенствовании возможны различные нестроения и проявления зла, то для Толстого наличная действительность представляется как подлинная, в которой и нужно устроить свое и чужое счастье, для чего необходимо вырвать из мировой действительности все плевелы, и вырвать их немедленно и сразу. И здесь Толстой вплотную приходит к своей теории непротivления злу насилieм, направленной на искоренение зла в мире.

3.3. Роль концепции непротivления злу насилieм в истории становления исследований природы зла
Для Толстого онтологически важным является не активное делание добра, а скорее активное неделание зла. Для того чтобы улучшить мировое бытие, нужно перестать делать зло, а это в первую очередь означает, в понимании Толстого, что злу нужно перестать противиться. Взяв за основу известный нам тезис из пятой антифезы (Мф. 5:39) и его развитие в дальнейших стихах, Лев Толстой выводит из неё свое учение о непротivлении злу насилieм, полагая, что тем самым он выражает всю сущность нравственного учения Христа. Он подробно пишет об этом в своей работе Закон насилия и закон любви. И хотя в данной работе содержится ряд противоречий, чисто методологического характера, мы приведем далее некоторые выдержки, иллюстрирующие понимание Толстым христианского вероучения:

...Христианское учение в его истинном смысле, признавая закон любви высшим и приложив его к жизни не подлежащим никаким исключениям, уничтожило...всякое насилie, а следовательно, не могло не отрицать все основанное на насилieи устройство мира.

...Церковное христианство - враг истинного христианства и стоит теперь по отношению к истинному христианству, как преступник, пойманный на месте преступления. Оно должно уничтожить само себя или совершать новые и новые преступления.

...Для христианина, познавшего требования закона любви, все требования закона насилия не только не могут быть обязательны, но всегда представляются теми самыми заблуждениями людей, которые подлежат обличению и упразднению...

...Исповедание христианства в его истинном значении, включающем непротivление злу насилieм, освобождает людей от всякой внешней власти. Но оно не только освобождает их от внешней власти, оно вместе с тем дает им возможность достижения того улучшения жизни, которого они тщетно ищут через изменение внешних форм жизни.

...Нужно только одно: освободиться от суеверий как лжехристианской веры, так и государственного устройства.

-

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/diplomnaya-rabota/16791>